

А.Г. Пастухов (Киев)

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ "ТРУДНЫХ" СЛОВ В НАУЧНОМ ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

Оригинал: Пастухов А.Г. К проблеме понимания "трудных" слов в научном философском тексте / Киев. гос. лингвист. ун-т. – Киев, 1995. – 13 с. – Деп. в ГНТБ Украины 19.06.95, N. 1083. – Ук. 95.

Исследованные нами тексты последних лет характеризуются присутствием большого количества т.н. "трудных" слов с точки зрения их семантики и структуры. Указанная трудность в их понимании определяется целым рядом как внутриязыковых, так и внешних факторов, расположенных во временных рамках последних лет и понимаемых исключительно в контексте процессов объединения двух германских государств и слияния их не только экономических и политических систем, но и культурных, научных и, не в последнюю очередь, идеологических основ, заполнивших вакуум после крушения социалистических апологетов.

Ставя в центр нашего рассмотрения задачу правильного и адекватного понимания философских, а, в широком смысле всего комплекса идеологических текстов, означает, во-первых, привести их в соответствие с теми средствами декодирования, которые обычно имеются в распоряжении иностранного читателя, а во вторых, исследовать семантику "трудных" слов в указанном хронологическом срезе.

Определив эти задачи как основные, нельзя рассматривать их обособленно, отделяя их от комплекса вопросов стиля коммуникативной направленности и т.д. Появившиеся в последнее время работы, посвященные отражению языковой ситуации в Германии до и после *Wende* касаются преимущественно разговорного языка и газетно-публицистического стилей речи /Hellmann 1990, Kinne 1990/. Научная коммуникация не является такой оперативной и быстрой; она требует известного переосмысления

происшедшего. Поэтому совершенно оправдано, что с учетом редакционной подготовки статей отклики на события внутригерманской действительности и их концептуально-идеологические оценки появились почти годом позже. Необходимо учесть также, что односторонне направленные издания партийного толка, типа *Einheit*, были закрыты совсем, а научные, например, *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, появились после утверждения новых составов редколлегии не только в новом полиграфическом исполнении, но и с измененным политическим содержанием.

Учитывая этот комплекс факторов, следует сделать оговорку того рода, что изучение семантики "трудных" слов требует такого же, если не большего, разнообразия средств и приемов изучения, как и остальная лексика. Это сочетается с еще одной важной задачей, а именно, как помочь специалисту-философу овладеть опытом чтения специальных неадаптированных текстов и извлечения при этом всей необходимой информации, сделав, таким образом, научный текст посредником культурного обмена ученых разных стран.

Уместно поставить вопрос, что же такое "трудные" слова? Под этим понятием мы понимаем весь комплекс средств, которые при декодировании иностранного текста не могут восприниматься (быть прочитаны) буквально, а требуют осуществления некоторых предварительных ментальных операций, которые, в свою очередь, обусловлены факторами внешнего порядка, а также внутренней мотивацией, особенностями жанра и текстовых структур. Поэтому на уровне макроанализа основное внимание необходимо уделить следующим главным моментам: 1) распределению "трудных" слов по частям речи и основным словообразовательным моделям и 2) определению причин мотивации образования тех или иных словарных единиц.

В результате проведенного нами частотного анализа, проведенного методом сплошной выборки общим объемом 192355 словоупотреблений из низкочастотной зоны были выделены 419 единиц, наиболее ярко и

многосторонне отражающих специфику философского текста и его экспрессивный потенциал на деле являющегося одной из главных причин появления "трудных слов". В частеречном распределении, как и ожидалось, самым значимым классом среди "трудных" слов оказались существительные, уступившие в своем абсолютном выражении артиклям и некоторым другим частям речи.

Базовый подъязык философии, объединяющий в своем составе 1994 наиболее частотные единицы, обнаружил заметное отставание от существительных прилагательных, наречий, глаголов. Последние, хотя и являются значимыми частями речи, но на наш взгляд в условиях научного текста чаще выступают в своей основной функции – быть универсальными и стилистически не связанными элементами текста.

Еще в меньшей мере трудность восприятия касается служебных частей речи по причине отсутствия в их семантике коннотации и какой-либо социальной отмеченности. Особенность "трудного" освоения значений большинства существительных заключается в их морфологической структуре (большинство из них являются композитами) и особенном семантическом наполнении, как это свойственно для номинации столь распространенных в философии абстрактных понятий и отвлеченных категорий: *Weltbildsemantik*, *Begriffshierarchie* и др.

Трудными для понимания оказываются отдельные термины, перенесенные в философию из наук не только гуманитарного цикла, но и точных и естественных. Сравните употребление слова *Feld* в физике, спорте и широком общенаучном значении в философии.

Значительный процент в структуре существительных занимают заимствованные существительные, большая часть которых имеет греческие или латинские корни: *Akzeptanz*, *Antropomorphismus*, *Topos*, *Legitimation*.

Интересно также обстоят дела и с современными новообразованиями, когда развитие философии как науки и ее отражение в текстах дает приток

новых слов преимущественно из английского и французского языков для образования новых оболочек для денотатов – явлений и процессов окружающей действительности, в той или иной степени составляющих предмет философского рассмотрения: *common-sense*, *Go-in*, *social ranking*, *verites eternelle*.

Способ образования при помощи различных морфологических средств широко распространен при появлении на свет большого количества существительных, среди которых на долю простых существительных, образованных при помощи префиксов приходится 87 слов или 42%, а сложные существительные из двух и более основ составляют 121 слово или 58%. Внутреннее деление среди структуры композитов таково: двусоставные композиты составляют 76%, трехсоставные 24% или соответственно 92 и 29 слов.

Некоторые особо "научные" суффиксы у прилагательных и наречий декларируют образование новых слов. На первый взгляд они тоже могут быть отнесены к "трудным", но их смысловое содержание свободно эксплицируется на основе уже имеющихся словообразовательных моделей, что, в конечном итоге, позволяет овладеть смыслом нового слова как бы по образцу: *substituierbar*, *Unableitbarkeit*, *Tabuisierung*.

Проблема мотивации при анализе "трудных слов" является, на наш взгляд, важной и в плане дифференциации степени трудности. При делении слов на простые и мотивированные у последних обнаруживается большое количество т.н. мотивационных типов. Среди них следует различать лингвистически и социально опосредованную мотивацию.

Социальная норма и связанные с ними представления об окружающих предметах и явлениях как бы делят все имеющиеся представления на мотивированные и немотивированные, т.е. содержащие социальную коннотацию и нейтральные, такой коннотацией не обладающие. Так, например, лексемы *Einschatzung* и *komplex* нейтральны, а *Sanierung* и

Wildwirtschaft идеологически маркированы, что затрудняет их вхождение в состав различных иерархических образований и стилистических слоев, отбрасывая их на периферию употребления, что наглядно подтверждается данными статистического анализа.

Языковая мотивация маркирует слова приданием в различных ситуациях их основам специфических суффиксов или окончаний: *Bonzokrat*, *Helfer*, *erdiskutieren*, *Gleichmacherei* и т.д.

Особую морфосемантическую мотивацию /Oksaag 1976: 33/ приобретают композиты, обнаруживающие признаки обоих видов мотивации. Это видно из примеров: *Wortopium*, *Sprachorgie*, *Zitierwut* и др. Морфологическая мотивированность определяет семантику всего слова, соединяя два компонента в одно целое, значение которого эксплицируется из суммы значений составляющих.

Частично мотивированными будут практически все трехэлементные композиты, среди которых один элемент будет независим и нейтрален. Если мы снова разложим его структуру на сегменты, то заметим, что остальные два компонента играют функцию определения при очевидном переносе значения. Сравн.: *Sich-Selbst-Schaffen*, *Ja-Nein-Frage*. Так же ведут себя и малоизвестные сокращения, имеющие отношение к социальным реалиям, содержание которых не всегда или трудно определяется из их составляющих: *n.u.Z.* = *nach unserer Zeitrechnung* или *n.Chr.* = *nach Christus*. Понимание их прямо зависит от принятия или непринятия той или иной идеологической концепции.

По нашим наблюдениям, число морфосемантически мотивированных композитов приближается к 70%, в то время как только структурно-мотивированные составляют всего 20%.

Стратификация лексики по частям речи дает исследователю возможность получить ядро текста, а также его периферийный отдел, характеризующийся наличием небольшого количества общеупотребительных

слов и стилистически окрашенной лексики в самом широком смысле слова. Последняя группа разного рода маркированных слов как раз и будет занимать наше внимание как тот вид лексических средств, ярко характеризующих и даже формирующих лексический состав подязыка философии как языка идеологии и признаваемого некоторыми исследователями особого политического метаязыка /Fluck 1985; 75/.

При прочтении "трудных" слов, в первую очередь, следует обратить внимание на практику снятия языковых трудностей. Эта плоскость чрезвычайно многообразна и требует строго дифференцированного подхода. Последний связан с пониманием того факта, что язык политики обладает не только информативной функцией, но и является средством влияния /Oksaag 1988; 146/, определяющим основные моменты понимания и осмысления текста.

Переходя к микроанализу понимания "трудных" слов философского текста следует обратить внимание на тот факт, что письменная форма общения, изучаемая нами в форме научных текстов, сразу заметно увеличивает уровень понимаемости за счет более "правильных" синтаксических конструкций и определенного выбора слов, рассчитанного как раз на повышение понимаемости научного текста.

Заметное влияние на процессы понимания оказывают затруднительные или малознакомые слова, смысл которых трудно выводим из контекста и которые, вследствие своей коннотативной нагруженности, приводят к потере реципиентом нити логического рассуждения.

Длинные синтаксические образования могут стать причиной трудностей восприятия: *Folgt man ihr, dann ist Vorsicht für den Fall geboten, daß man mit vermeintlich umganglichen Alternativen ableitet, die aus pragmatischen oder ideologischen Gründen am jeweiligen Gegenstand nicht mehr zu unterscheiden wissen und die schließlich Handlungskonzepte als universal-gültig unterstellen, die nur einen Teil dessen umgreifen, was an uns liegt, vernunftgemäß gedacht,*

beratschlagt und im gemeinsamen, wie eigenen Interesse handelnd verwirklicht zu werden. (Pl 62)

Определенную помеху вносят и иностранные слова и в особенности их нагромождения, например, как в этом контексте: *Gerken will New Age nicht als Tummelplatz für Ausgeflipte oder Frustrierte verkommen lassen, sondern die Werte der Aussteiger und der alternativen Wirtschaftsszene für hochkarätige Männer aus der Wirtschaft serios verpacken* (WuZ, 6/93, S.40).

Известно, что научный стиль речи характеризуется присутствием в нем большого количества цитат и других способов передачи чужой речи. Они могут быть семантически трудными, а также продолжительными по длине, что требует концентрации внимания у читателя. Отнесение цитат в разряд трудных для восприятия и понимания языковых средств вовсе не уменьшает их роли в научной коммуникации как авторитетных, доказательных и декоративных элементов текста /Даирова 1983; 7/.

Определение научного стиля речи как самостоятельного языкового образования практически не вызывает сомнений. Однако, как показывают практические исследования различных жанров этого стиля, сам по себе он очень не однороден. Среди причин, влияющих на появление в тексте "трудных" слов, мы отмечали морфологические и социальные причины. Особенно следует подчеркнуть трудности восприятия, возникающие, в частности, на основе смешения стилей, т.е. проникновения лексических единиц из других стилей речи (газетного, разговорного и т.д.). Смешение стилей происходит, как видно, чаще всего на уровне лексических образований как наиболее мобильных единиц, часто взаимозаменяемых и поэтому образующих все новые и новые контексты:

1. Da aber solch ein philosophisches Prinzip als Erklärung für reale geschichtliche Vorgang dann wohl doch nicht ganz ausreichend scheint, sucht man noch eine irdische Kraft als Inkarnation des falschen Prinzips, das mit

Rechthaberei, Unduldsamkeit und AnnaBung als allseitig machendes Konzept vertreten wird (WuZ, 4/92, S.52).

2. Diese Inkarnation des bosen Prinzips zu finden, ist heute natürlich nicht schwer, es liegt ja sozusagen auf der StraBe: die Stasi! Sie war es , die Kritiker und Zweifler "zuruckgeschuttelt und wenn sie nicht zurucksteckten, uberwacht und eingelocht" hat (WuZ, 4/92, S.52).

Из приведенных контекстов видно, что в реальной коммуникации допускается подобные взаимопроникновения и они являются не только свидетельством развивающегося характера языка, но и того, что научная коммуникация также прагматически ориентирована, как это наблюдается, например, в публицистическом стиле. Смешение различных стилей "обращает" на себя внимание и, прежде всего своей сложностью и уже отмеченной "трудностью" понимания. Говорить о том, насколько этот прием специально подготовлен в общем смысле невозможно т.к. каждая вновь возникающая ситуация очень индивидуальна и ее рассмотрение возможно только в конкретных условиях контекста.

Наблюдения показывают, что среди "трудных" языковых явлений встречаются такие стилистические фигуры, несущие в себе некоторые переносы значения. Под такими фигурами имеются в виду, прежде всего, такие, в основе которых заложены элементы образности и они, в свою очередь, должны быть соответственно расшифрованы получателем информации.

Палитра таких средств в других стилях речи чрезвычайно широка. Совсем другое дело научный текст, где такие средства носят единичный характер, но все же требуют своего рассмотрения не только в плане их функции как некоторых инородных тел в тексте, а и как свойства создания прагматических ситуаций, моделирования их и последующей дешифровки.

Необходимо дать хотя бы примерную стилистическую классификацию этих средств. Наиболее широко представлены среди эксплицированных и

каталогизированных нами образных средств метафоры, которые, как мы видим, не являются теперь отличительной чертой только художественного текста: *Fahne der Freiheit*, *Gespinn der Utopien*, *Nebel von Begriffen*, *Siebenmeilenstiefel*, *Mäntelchen der Philosophie* и т.д.

Политические и идеологические эвфемизмы демонстрируют завуалированный характер отдельных концепций, положений, заключений: *Rotkoller (blindwütiger Antikommunist)*, *Martyrer der Friedensidee*, *Flohknacker*, *Jammerreich DDR*.

Особого внимания требуют к себе имена собственные. Философская тематика очень разнообразна, т.к. она коррелирует с различными областями знаний не только из пограничных наук. Упоминаемые в текстах имена ученых, географические названия, исторические реалии и т.д. служат особым средством языковой компрессии и в целом комплексе текста занимают заметное место. Среди проанализированных нами 192355 словоупотреблений было обнаружено 3047 собственных имен. Вопрос с собственными именами представляется оправданным, хотя бы потому, что требует от читателя самой широкой научной подготовленности. Знание факта, какую суть имеют *okzidentale Rationalismus* или *Kulturpessimismus*, важно для понимания их значения, а историческая *Praher Frühling* или хрущевская "*Tauwetter-periode*" могут быть по-разному названы и поняты, в зависимости от того, кто является автором сообщения.

Отсутствие такого общекультурного знания может привести к тому, что подобный контекст не будет понят совсем или будет понят частично. Под влиянием социальных и языковых факторов формируется семантика изложения, во многом, определяющая авторский стиль изложения, мотивацию действия. К этому комплексу факторов могут быть добавлены специфические культурные модели, касающиеся, в основном, принятых в данном языке норм, в большей или меньшей степени, определяющие модели языкового поведения. Такая культурная модель или к у л ь т у р е м а /Oksaar

1979; 401/ может оказывать существенное влияние на процессы восприятия текста. Очевидно, что коммуникативные трудности могут возникать на основе не одних лишь вербальных единиц, а несоблюдение правил и норм может привести к осложнениям понимания по той причине, что культуремы также закодированы и запрограммированы, как и языковые нормы.

Увеличить понимаемость словарных комплексов можно за счет допущения определенной степени посредничества между специальными терминами и нейтральными средствами, при котором подаются некоторые сигналы-указатели присутствия "трудных" слов. Сюда можно отнести: выведенные в кавычках или курсивом слова, чем графически выделяется их морфосемантическая необычность или мотивированность:

1. *Die Verachtung der Theorie, des Begreifens, der Welt, der Alternative des Eingreifens, der Praxis und Politik, geht aus einer anderen "Logik" hervor* (MB 12/89, S.79).

2. *Das praktisch tatige Individuum versucht eine Brücke zwischen dem Teilgebiet und dem objektiven Ganzen mittels solcher Methoden wie der "Kalkulation", der "Spekulation", des "Fingerspitzengefühls" oder des bewußten Betrugs zu schlagen* (WuZ, 3/92, S.38).

- метаязыковые комментарии в форме указателей на сферу применения выражения:

Markte waren entweder den kleinen Warenproduzenten vorbehalten (Bauernmärkte in den Städten) oder in die Illegalität abgedrängt (Schwarzmärkte für Dienstleistungen, Luxuskonsumgüter oder Devisen) (WuZ, 6/93, S.41).

- толкования в форме следующей модели (X,+ приложение):

Таким образом, можно заключить, что "трудные" слова в области философии и коммуникации в данной сфере, прежде всего, обусловлены способом восприятия. "Трудные" слова следует понимать не как языковые барьеры, а барьеры культурологические, доступные для изучения с психологической и социологической точек зрения.

Одной из внешних причин, влияющих на уровень понимания текста, являются фоновые знания реципиента и различные уровни понимаемости текста. Понимание в языке науки означает не только синтаксис предложения и мобильность слов как средств организации и влияния на понимаемость текста. Понимаемость скорее должна быть понята как необходимость давать такие характеристики описываемым предметам, чтобы они были поняты как экспертом, т.е. специалистом данной области, так и человеком таким специалистом не являющимся.

По степени понимаемости все тексты можно будет разделить на:

в н у т р и п р е д м е т н у ю понимаемость, доступную только узкому кругу специалистов с их специфическим языком,

м е ж п р е д м е т н у ю понимаемость, осознаваемую как междисциплинарную, ставящую в центр рассмотрения смысловое несоответствие формы и содержания как основной трудности процесса коммуникации,

в н е п р е д м е т н у ю понимаемость, стремящуюся установить контакт между специалистом и неспециалистом т.к. язык науки – это не только язык ученых.

Указанные три уровня понимаемости текста относительны, т.к. не учитывают конкретного уровня подготовленности отдельного человека и степени специализации текстового образца. Существует осознание того факта, что все больше людей знают немного о конкретном, и все меньше знают все обо всем.

Решая проблему "трудных" слов мы постоянно сталкиваемся с задачей отнесения слова или словосочетания к указанному разряду и имеем в виду адресата - получателя информации. В данном случае реципиентом научной информации является ученый, человек в известной мере подготовленный к чтению специальной литературы и обладающий некоторым опытом. Следует

особо очертить ту разницу, которая непременно проступает при чтении текста профессионалом и непрофессионалом.

В связи с этим существуют некоторые техники для достижения большей понятности и доступности научного текста, а также тех рычагов, делающих изложение, наоборот, запутанным и туманным.

При устной коммуникации автор сообщения информирует слушателя посредством особого подбора языковых и еще арсенала невербальных средств. В письменной же коммуникации выбор языковых средств должен быть особенно выверенным, тем ответственнее использование слов, содержащих различного рода коннотации. Здесь практически исключаются терминологические трудности, связанные с пониманием текста. Наше внимание обращают на себя лишь слова, "трудные" с точки зрения семантики, политически или идеологически мотивированные.

Существуют некоторые общие правила, которые помогают автору сделать его сообщение максимально доступным, не в ущерб содержательной стороне. Сюда, по мнению В. Отто /1978; 61/, относятся: ясность и однозначность, точность и полнота, последовательность и обзорность, краткость и связанность, соответствие формы и содержания, наглядность и доступность и т.д.

Все это подразумевает, что коммуникация процесс двусторонний, и со стороны адресата требуются не только описанные выше навыки дешифровки иноязычного текста, но и ч у в с т в о я з ы к а. Этому понятию не может быть дано точного и краткого определения т.к. невозможно раскрыть все существующие стандартные и нестандартные ситуации языкового поведения. Возможность в приближении решения этой задачи может дать построение стандартного формата, т.е. приближенной, усредненной модели языкового поведения, равного по свойствам чувству языка / Розен 1991; 163/.

Понять семантику "трудных" слов в разрезе протекающих коммуникативных процессов значит получить в руки рычаги управления

общественным сознанием и их проявлениями на практике. Вот почему этот арсенал этих средств заслуживает самого детального рассмотрения, важного при дешифровке научных сообщений, и как прием авторского стиля, совершенно допустимый в ситуации ведения письменной научной дискуссии.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Даирова К.Н. Структурно-семантические особенности цитаты и ее функционирование в тексте (на мат-ле английской научной лингвистической литературы): Дисс ... канд. филол. наук. – М, 1983. – 205 с.

Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке.– М.: Просвещение, 1991. – 192 с.

Fluck, H.R. Fachsprachen. Einführung u. Bibliographie. 3.aktual. u. erw. Aufl. Tübingen, 1985. – 293 S.

Hellmann, M.W. Sprachgebrauch nach der Wende - eine erste Bestandaufnahme // Muttersprache, 1990.- H.2-3.-S.266-286.

Kinne, M. Deutsch 1989 in den Farben der DDR. Sprachlich markantes aus der Zeit vor und nach der Wende // Der Sprachdienst, 1990.-H.1.-S.13-18.

Oksaar, E. Berufsbezeichnungen im heutigen Deutsch. Soziosemantische Unterschiede. Mit deutschen und schwedischen experimentellen Kontrastierungen. – Düsseldorf, 1976. – S.73-106. (Sprache der Gegenwart 25)

Oksaar, E. Verständigungsprobleme im Sprachbereich 'Politik'. Schwere Wörter in den Nachrichten und Kommentaren // Fachsprachliche Dimensionen: Gunter Narr Verlag, Tübingen. – 1988. – S.143-155.

Otto, W. Amtsdeutsch heute. 2.Aufl., Stuttgart – München – Hannover, 1978.

Strauß, G., Zifonun, G. Die Semantik schwerer Wörter im Deutschen, in 2 Bd. Gunter Narr Verlag: Tübingen. – 1985.